

О РУССКОЙ ИДЕѢ.

Если нашему поколѣнію выпало на долю жить въ наиболѣе трудную и опасную эпоху русской исторіи, то это не можетъ и не должно колебать наше разумѣніе, нашу волю и наше служеніе Россіи. Борьба Русскаго народа за свободу и достойную жизнь на землѣ — продолжается. И нынѣ намъ болѣе чѣмъ когда-либо подобаетъ вѣрить въ Россію, видѣть ея духовную силу и своеобразіе и выговаривать за нея, отъ ея лица и для ея будущихъ поколѣній ея творческую идею.

Эту творческую идею намъ не у кого и не для чего заимствовать: она можетъ быть только русскою, національною. Она должна выражать русское историческое своеобразіе и въ то же время — русское историческое призваніе. Эта идея формулируетъ то, что русскому народу уже присуще, что составляетъ его благую силу, въ чемъ онъ правъ передъ лицомъ Божиимъ и самобытенъ среди всѣхъ другихъ народовъ. И въ то же время эта идея указываетъ намъ нашу историческую задачу и нашъ духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить въ себѣ, воспитывать въ нашихъ дѣтяхъ и въ грядущихъ поколѣніяхъ и довести до настоящей чистоты и полноты бытія во всемъ: въ нашей культурѣ и въ нашемъ быту, въ нашихъ душахъ и въ нашей вѣрѣ, въ нашихъ учрежденіяхъ и законахъ. Русская идея есть нѣчто живое, простое и творческое. Россія жила ею во всѣ свои вдохновенные часы, во всѣ свои благіе дни, во всѣхъ своихъ великихъ людяхъ. Объ этой идеѣ мы можемъ сказать: такъ было, и когда такъ бывало, то осуществлялось прекрасное; и такъ будетъ, и чѣмъ полнѣе и сильнѣе это будетъ осуществляться, тѣмъ будетъ лучше...

Въ чемъ же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающаго сердца. Сердца, созерцающаго свободно и предметно и передающаго свое видѣніе волѣ для дѣйствія и мысли для осознанія и слова. Вотъ главный источникъ русской вѣры и русской культуры. Вотъ главная сила Россіи и русской самобытности. Вотъ путь нашего возрожденія и обновленія. Вотъ то, что другіе народы смутно чувствуютъ въ русскомъ духѣ, и когда вѣрно узнаютъ это, то преклоняются и начинаютъ любить и чтить Россію. А пока не умѣютъ или не хотятъ узнать, отвертываются, судятъ о Россіи свысока и говорятъ о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. Итакъ, русская идея есть идея сердца.

Она утверждаетъ, что главное въ жизни есть любовь, и что именно любовью строится совмѣстная жизнь на землѣ, ибо изъ любви рождается вѣра и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревлѣ и органически предрасположенная къ чувству, сочувствію и добротѣ, восприняла исторически отъ христіанства: она отозвалась сердцемъ на Божіе благовѣстіе, на главную заповѣдь Божию, и увѣровала, что «Богъ есть Любовь». Русское Православіе есть христіанство не столько отъ Павла, сколько отъ Іоанна, Іакова и Петра. Оно воспринимаетъ Бога не воображеніемъ, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться передъ «силою» (первобытныя религіи); не жадною и властною земною волею, которая въ лучшемъ случаѣ догматически принимаетъ моральное правило, повинуется закону и сама требуетъ повиновенія отъ другихъ (іудаизмъ и католицизмъ), не мыслью, которая

ищеть пониманія и толкованія и затѣмъ склонна отвергать то, что ей кажется непонятнымъ (протестантство). Русское Православіе воспринимаетъ Бога любовью, возсылаетъ Ему молитву любви и обращается съ любовью къ міру и къ людямъ. Этотъ духъ опредѣлилъ собою актъ православной вѣры, православное богослуженіе, наши церковныя пѣснопѣнія и церковную архитектуру. Русскій народъ принялъ христіанство не отъ меча, не по расчету, не страхомъ и не умственностью, а чувствомъ, добротою, совѣстью и сердечнымъ созерцаніемъ. Когда русскій человѣкъ вѣруетъ, то онъ вѣруетъ не волею и не умомъ, а огнемъ сердца. Когда его вѣра созерцаетъ, то она не предается соблазнительнымъ галлюцинаціямъ, а стрѣмится увидѣть подлинное совершенство. Когда его вѣра желаетъ, то она желаетъ не власти надъ вселенною (подъ предлогомъ своего правовѣрія), а совершеннаго качества. Въ этомъ корень русской идеи. Въ этомъ ея творческая сила на вѣка.

И все это не идеализація и не миѳъ, а живая сила русской души и русской исторіи. О добротѣ, ласковости и гостепріимствѣ, а также и о свободолюбіи русскихъ славянъ свидѣтельствуютъ единогласно древніе источники — и византійскіе, и арабскіе. Русская народная сказка вся проникнута пѣвучимъ добродушіемъ. Русская пѣсня есть прямое изліяніе сердечнаго чувства во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Русскій танецъ есть импровизація, проистекающая изъ переполненнаго чувства. Первые историческіе русскіе князья суть герои сердца и совѣсти (Владиміръ, Ярославъ, Мономахъ). Первый русскій святой (Ѳеодосій) — есть явленіе сущей доброты. Духомъ сердечнаго и совѣстнаго созерцанія проникнуты русскія лѣтописи и наставительныя сочиненія. Этотъ духъ живетъ въ русской поэзіи и литературѣ, въ русской живописи и въ русской музыкѣ. Исторія русскаго правосознанія свидѣтельствуетъ о постепенномъ проникновеніи его этимъ духомъ, духомъ братскаго сочувствія и индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порожденіе (діагностическія интуиціи живой страдающей личности).

Итакъ, любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Безъ любви русскій человѣкъ есть неудавшееся существо. Цивилизующіе суррогаты любви (долгъ, дисциплина, формальная лояльность, гипнозъ внѣшней законопослушности) — сами по себѣ ему мало свойственны. Безъ любви — онъ или лѣниво прозябаетъ, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не вѣруя, русскій человѣкъ становится пустымъ существомъ безъ идеала и безъ цѣли. Умъ и воля русскаго человѣка приводятся въ духовно-творческое движеніе именно любовью и вѣрою.

2. И при всемъ томъ, первое проявленіе русской любви и русской вѣры есть живое созерцаніе.

Созерцанію насъ учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа съ ея далями и облаками, съ ея рѣками, лѣсами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взираніе, наша мечтательность, наша «созерцающая лѣнь» (Пушкинъ), за которой скрывается сила творческаго воображенія. Русскому созерцанію давалась красота, плѣнявшая сердце, и эта красота вносилась во все — отъ ткани и кружева до жилищныхъ и крѣпостныхъ строеній. Отъ этого души становились нѣжнѣе, утонченнѣе и глубже; созерцаніе вносилось и во внутреннюю культуру — въ вѣру, въ молитву, въ искусство, въ науку и въ философію. Русскому человѣку присуща потребность увидѣть любимое вживѣ и въявѣ и потомъ выразить увидѣнное — поступкомъ, пѣсней, рисункомъ или словомъ. Вотъ почему въ основѣ всей русской культуры лежитъ живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было — чувственнымъ изображеніемъ нечувственно узрѣнныхъ обстояній. Именно эта живая очевидность сердца лежитъ и въ основѣ русскаго историческаго монархизма. Россія росла и выросла въ формѣ монархіи не потому, что русскій человѣкъ тяготелъ къ зависимости или къ политическому рабству, какъ думаютъ многіе на западѣ, но потому, что Госу-

дарство въ его пониманіи должно быть художественно и религіозно воплощено въ единомъ лицѣ, — живомъ, созерцаемомъ, беззавѣтно любимомъ и всенародно «созидаемомъ» и укрѣпляемомъ этою всеобщей любовью.

3. Но сердце и созерцаніе дышатъ свободно. Они требуютъ свободы, и творчество ихъ безъ нея угасаетъ. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанію нельзя предписать, что ему надо видѣть и что оно должно творить. Духъ человѣка есть бытіе личное, органическое и самодѣятельное: онъ любитъ и творитъ самъ, согласно своимъ внутреннимъ потребностямъ. Этому соответствовало исконное славянское свободолобіе и русско-славянская приверженность къ національно-религіозному своеобразію. Этому соответствовала и православная концепція Христіанства: не формальная, не законническая, не морализирующая, но освобождающая человѣка къ живой любви и къ живому совѣстному созерцанію. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) терпимость ко всякому иновѣрію и ко всякой иноплеменности, открывшая Россіи пути къ имперскому (не «империалистическому») пониманію своихъ задачъ (см. замѣчательную статью проф. Розова: «Христіанская свобода и Древняя Русь» въ № 10 ежегодника «День русской славы», 1940, Бѣлградъ).

Русскому человѣку свобода присуща какъ бы отъ природы. Она выражается въ той органической естественности и простотѣ, въ той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличаетъ восточнаго славянина отъ западныхъ народовъ вообще и даже отъ нѣкоторыхъ западныхъ славянъ. Эта внутренняя свобода чувствуется у насъ во всемъ: въ медлительной плавности и пѣвучести русской рѣчи, въ русской походкѣ и жестикуляціи, въ русской одеждѣ и пляскѣ, въ русской пищѣ и въ русскомъ быту. Русский міръ жилъ и росъ въ пространственныхъ просторахъ и самъ тяготель къ просторной нестѣсненности. Природная темпераментность души влекла русскаго человѣка къ прямодушію и открытости (Святославово «иду на вы»...), превращала его страстность въ искренность и возводила эту искренность къ исповѣдничеству и мученичеству...

Еще при первомъ вторженіи татаръ русскій человѣкъ предпочиталъ смерть рабству и умѣлъ бороться до послѣдняго. Такимъ онъ оставался и на протяженіи всей своей исторіи. И не случайно, что за войну 1914-1917 гг. изъ 1.400.000 русскихъ плѣнныхъ въ Германіи 260.000 человѣкъ (18,5%) пытались сбѣжать изъ плѣна. «Такого процента попытокъ не дала ни одна нація.» (Н. Н. Головинъ). И если мы, учитывая это органическое свободолобіе русскаго народа, окинемъ мысленнымъ взоромъ его исторію съ ея безконечными войнами и длительнымъ закрѣпощеніемъ, то мы должны будемъ не возмутиться сравнительно рѣдкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклониться передъ той силою государственнаго инстинкта, духовной лояльности и христіанскаго терпенія, которую русскій народъ обнаруживалъ на протяженіи всей своей исторіи.

Итакъ, русская идея есть идея свободно созерцающаго сердца. Однако это созерцаніе призвано быть не только свободнымъ, но и предметнымъ. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человѣку не для саморазнужданія, а для органически-творческаго самооформленія, не для безпредметнаго блужданія и произволенія, а для самостоятельнаго нахождения предмета и пребыванія въ немъ. Только такъ возникаетъ и зрѣетъ духовная культура. Именно въ этомъ она и состоитъ.

Вся жизнь русскаго народа могла бы быть выражена и изображена такъ: свободно созерцающее сердце искало и находило свой вѣрный и достойный Предметъ. По-своему находило его сердце юродиваго, по-своему — сердце странника и паломника; по-своему предавалось религіозному предметовидѣнію русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священныя традиціи Православія русское старо-

обрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славныя традиціи русская армія; по-своему же несло тягловое служеніе русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиціи русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видѣніе тѣ русскіе праведники, которыми держалась русская земля, и облики коихъ художественно показалъ Н. С. Лѣсковъ. Вся исторія русскихъ войнъ есть исторія самоотверженнаго предметнаго служенія Богу, Царю и отечеству; а, напр., русское казачество сначала искало свободы, а потомъ уже научилось предметному государственному патриотизму. Россія всегда строилась духомъ свободы и предметности и всегда шаталась и распадалась, какъ только этотъ духъ ослабѣвалъ, — какъ только свобода извращалась въ произволь и посяганіе, въ самодурство и насиліе, какъ только созерцающее сердце русскаго человѣка прилѣплялось къ безпредметнымъ или противопредметнымъ содержаніямъ...

Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и опредѣляющаяся этимъ жизнь и культура. Тамъ, гдѣ русскій человѣкъ жилъ и творилъ изъ этого акта, — онъ духовно осуществлялъ свое національное своеобразие и производилъ свои лучшія созданія во всемъ: въ правѣхъ и въ государствѣхъ, въ одинокой молитвѣ, въ общественной организаціи, въ искусствѣхъ и въ наукѣхъ, въ хозяйствѣхъ и въ семейномъ быту, въ церковномъ алтарѣ и на царскомъ престолѣ. Божьи дары — исторія и природа — сдѣлали русскаго человѣка именно такимъ. Въ этомъ нѣтъ его заслуги, но этимъ опредѣляется его драгоцѣнная самобытность въ сонмѣ другихъ народовъ. Этимъ опредѣляется и задача русскаго народа: быть такимъ со всей возможной полнотою и творческою силой; блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не искажать своего духовнаго лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этимъ духовнымъ актомъ.

Исходя изъ русскаго уклада души, намъ слѣдуетъ помнить одно и заботиться объ одномъ: какъ бы намъ наполнить данное намъ свободное и любовное созерцаніе настоящимъ предметнымъ содержаніемъ; какъ бы намъ вѣрно воспринять и выразить Божественное — по-своему; какъ бы намъ пѣть Божьи пѣсни и растить на нашихъ поляхъ Божьи цвѣты... Мы призваны не заимствовать у другихъ народовъ, а творить свое по-своему; но такъ, чтобы это наше и по-нашему созданное было на самомъ дѣлѣ вѣрно и прекрасно, т. е. предметно.

Итакъ, мы не призваны заимствовать духовную культуру у другихъ народовъ или подражать имъ. Мы призваны творить свое и по-своему: русское по-русски.

У другихъ народовъ былъ издревлѣ другой характеръ и другой творческій укладъ: свой особый — у іудеевъ, свой особый — у грековъ, особый у римлянъ, иной у германцевъ, иной у галловъ, иной у англичанъ. У нихъ другая вѣра, другая «кровь въ жилахъ», другая наслѣдственность, другая природа, другая исторія. У нихъ свои достоинства и свои недостатки. Кто изъ насъ захочетъ заимствовать ихъ недостатки? Никто. А достоинства намъ даны и заданы наши собственные. И когда мы сумѣемъ преодолѣть свои національные недостатки, — совѣстью, молитвою, трудомъ и воспитаніемъ, — тогда наши достоинства расцвѣтутъ такъ, что о чужихъ никто изъ насъ не захочетъ и помышлять...

Такъ, напримѣръ, всѣ попытки заимствовать у католиковъ ихъ волевою и умственную культуру — были бы для насъ безнадежны. Ихъ культура выросла исторически изъ преобладанія воли надъ сердцемъ, анализа надъ созерцаніемъ, разсудка во всей его практической трезвости надъ совѣстью, власти и принужденія надъ свободою. Какъ же мы могли бы заимствовать у нихъ эту культуру, если у насъ соотношеніе этихъ силъ является обратнымъ? Вѣдь намъ пришлось бы погасить въ себѣ силы сердца, созерцанія, совѣсти и свободы или, во всякомъ случаѣ, отказаться отъ ихъ преобладанія. И неужели есть наивные люди, воображающіе, что мы могли бы достигнуть

этого, заглушивъ въ себѣ славянство, искоренивъ въ себѣ вѣковѣчное воздѣйствіе нашей природы и исторіи, подавивъ въ себѣ наше органическое свободолюбіе, извергнувъ изъ себя естественную православность души и непосредственную — искренность духа? И для чего? Для того чтобы искусственно привить себѣ чуждый намъ духъ іудаизма, пропитывающей католическую культуру, и далѣе — духъ римскаго права, духъ умственнаго и волевого формализма и, наконецъ, духъ міровой власти, столь характерный для католиковъ?.. А въ сущности говоря, для того чтобы отказаться отъ собственной, исторически и религіозно заданной намъ культуры духа, воли и ума: ибо намъ не предстоитъ въ будущемъ пребывать исключительно въ жизни сердца, созерцанія и свободы и обходиться безъ воли, безъ мысли, безъ жизненной формы, безъ дисциплины и безъ организаціи. Напротивъ, намъ предстоитъ вырастить изъ свободного сердечнаго созерцанія — свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организаціи. Россія не есть пустое вмѣстилище, въ которое можно механически, по произволу, вложить все что угодно, не считаясь съ законами ея духовнаго организма. Россія есть живая духовная система съ своими историческими дарами и заданіями. Мало того, — за нею стоитъ нѣкій божественный историческій замыселъ, отъ котораго мы не смѣемъ отказаться и отъ котораго намъ и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотѣли... И все это выговаривается русскою идеей.

Эта русская идея созерцающей любви и свободной предметности — сама по себѣ не судитъ и не осуждаетъ инородныя культуры. Она только не предпочитаетъ ихъ и не вмѣняетъ ихъ себѣ въ законъ. Каждый народъ творитъ то, что онъ можетъ, исходя изъ того, что ему дано. Но плохъ тотъ народъ, который не видитъ того, что дано именно ему, и потому ходитъ побираться подъ чужими окнами. Россія имѣетъ свои духовно-историческіе дары и призвана творить свою особую духовную культуру: культуру сердца, созерцанія, свободы и предметности: Нѣтъ единой общеобязательной «западной культуры», передъ которой все остальное — «темнота» или «варварство». Западъ намъ не указъ и не тюрьма. Его культура не есть идеаль совершенства. Строеніе его духовнаго акта (или, вѣрнѣе, — его духовныхъ актовъ), можетъ быть, и соотвѣтствуетъ его способностямъ и его потребностямъ, но нашимъ силамъ, нашимъ заданіямъ, нашему историческому призванію и душевному укладу оно не соотвѣтствуетъ и не удовлетворяетъ. И намъ незачѣмъ гнаться за нимъ и дѣлать себѣ изъ него образецъ. У запада свои заблужденія, недуги, слабости и опасности. Намъ нѣтъ спасенія въ западничествѣ. У насъ свои пути и свои задачи. И въ этомъ — смыслъ русской идеи.

Однако это не гордость и не самопревознесеніе. Ибо, желая итти своими путями, мы отнюдь не утверждаемъ, будто мы ушли на этихъ путяхъ очень далеко или будто мы всѣхъ опередили. Подобно этому мы совсѣмъ не утверждаемъ, будто все, что въ Россіи происходитъ и создается, — совершенно, будто русскій характеръ не имѣетъ своихъ недостатковъ, будто наша культура свободна отъ заблужденій, опасностей, недуговъ и соблазновъ. Въ дѣйствительности мы утверждаемъ иное: хороши мы въ данный моментъ нашей исторіи или плохи, мы призваны и обязаны итти своимъ путемъ, — очищать свое сердце, укрѣплять свое созерцаніе, осуществлять свою свободу и воспитывать себя къ предметности. Какъ бы ни были велики наши историческія несчастья и крушенія, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать передъ другими; творить, а не заимствовать; обращаться къ Богу, а не подражать сосѣдямъ; искать русскаго видѣнія, русскихъ содержаній и русской формы, а не ходить «въ кусочки», собирая на мнимую бѣдность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себѣ самимъ. Передъ нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — изъ русскаго сердца, русскимъ созерцаніемъ, въ русской свободѣ, раскрывающая русскую предметность. И въ этомъ — смыслъ русской идеи.

Эту національную задачу нашу мы должны вѣрно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны заботиться не объ оригинальности нашей, а о предметности

нашей души и нашей культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцвѣтая непреднамеренно и непосредственно. Дѣло совѣмъ не въ томъ, чтобы быть ни на кого не похожимъ; требованіе «будь какъ никто» невѣрно, нелѣпо и не осуществимо. Чтобы расти и цвѣсти, не надо коситься на другихъ, стараясь ни въ чемъ не подражать имъ и ничему не учиться у нихъ. Намъ надо не отталкиваться отъ другихъ народовъ, а уходить въ собственную глубину и восходить изъ нея къ Богу; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточнославянской маніи величія, а искать русскою душою предметнаго служенія. И въ этомъ смыслъ русской идеи.

Вотъ почему такъ важно представить себѣ наше національное призваніе со всею возможной живостью и конкретностью. Если русская духовная культура исходитъ изъ сердца, созерцанія, свободы и совѣсти, то это отнюдь не означаетъ, что она «отрицаетъ» волю, мысль, форму и организацію. Самобытность русскаго народа совѣмъ не въ томъ, чтобы пребывать въ безволии и безмыслии, наслаждаться безформенностью и прозябать въ хаосѣ; но въ томъ, чтобы выращивать вторичныя силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацію) изъ ея первичныхъ силъ (изъ сердца, изъ созерцанія, изъ свободы и совѣсти). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно въ этомъ распредѣленіи ея силъ на первичныя и вторичныя: первичныя силы опредѣляютъ и ведутъ, а вторичныя вырастаютъ изъ нихъ и пріемлютъ отъ нихъ свой законъ. Такъ уже было въ исторіи Россіи. И это было вѣрно и прекрасно. Такъ должно быть и впредь, но еще лучше, полнѣе и совершеннѣе.

1. Согласно этому — русская религіозность должна попрежнему утверждаться на сердечномъ созерцаніи и свободѣ и всегда блюсти свой совѣстный актъ. Русское Православіе должно чтить и охранять свободу вѣры — и своей, и чужой. Оно должно созидать на основѣ сердечнаго созерцанія свое особое православное богословіе, свободное отъ разсудочнаго, формальнаго, мертвеннаго, скептически слѣплого резонерства западныхъ богослововъ; оно не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизмъ у Запада, оно должно исходить изъ живой и творческой христіанской совѣсти («къ свободѣ призваны вы, братія», Гал. 5, 13), и на этихъ основахъ оно должно выработать восточно-православную дисциплину воли и организаціи.

2. Русское искусство — призвано блюсти и развивать тотъ духъ любовной созерцательности и предметной свободы, которымъ оно руководилось доселѣ. Мы отнюдь не должны смущаться тѣмъ, что западъ совѣмъ не знаетъ русскую народную пѣсню, еле начинаетъ цѣнить русскую музыку и совѣмъ еще не нашелъ доступа къ нашей дивной русской живописи. Не дѣло русскихъ художниковъ (всѣхъ искусствъ и всѣхъ направлений) заботиться объ успѣхѣ на международной эстрадѣ и на международномъ рынкѣ — и приспособляться къ ихъ вкусамъ и потребностямъ; имъ не подобаетъ «учиться» у запада — ни его упадочному модернизму, ни его эстетической безкрылости, ни его художественной безпредметности и снобизму. У русскаго художества свои завѣты и традиціи, свой національный творческій актъ: нѣтъ русскаго искусства безъ горящаго сердца; нѣтъ русскаго искусства безъ сердечнаго созерцанія; нѣтъ его безъ свободного вдохновенія; нѣтъ и не будетъ его безъ отвѣтственнаго, предметнаго и совѣстнаго служенія. А если будетъ это все, то будетъ и впредь художественное искусство въ Россіи, со своимъ живымъ и глубокимъ содержаніемъ, формою и ритмомъ.

3. Русская наука — не призвана подражать западной учености ни въ области изслѣдованія, ни въ области міровоспріятія. Она призвана вырабатывать свое міровоспріятіе, свое изслѣдовательство. Это совѣмъ не значить, что для русскаго человѣка «необязательна» единая общечеловѣческая логика или что у его науки можетъ быть другая цѣль, кромѣ предметной истины. Напрасно было бы толковать этотъ призывъ, какъ право русскаго человѣка на научную недоказательность, безотвѣтственность, на субъективный произволъ или иное разрушительное безобразіе. Но русскій ученый призванъ вносить въ свое изслѣдовательство начала сердца, созерцательности, творчес-

кой свободы и живой отвѣтственности совѣсти. Русскій ученый призванъ вдохновенно любить свой предметъ такъ, какъ его любили Ломоносовъ, Пироговъ, Менделѣевъ, Сергѣй Соловьевъ, Гедеоновъ, Забѣлинъ, Лебедевъ, князь Сергѣй Трубецкой. Русская наука не можетъ и не должна быть мертвымъ ремесломъ, грузомъ свѣдѣній, безразличнымъ матеріаломъ для произвольныхъ комбинацій, технической мастерской, школой безсовѣстнаго умѣнія.

Русскій ученый призванъ насыщать свое наблюденіе и свою мысль живымъ созерцаніемъ, — и въ естествознаніи, и въ высшей математикѣ, и въ исторіи, и въ юриспруденціи, и въ экономикѣ, и въ филологіи, и въ медицинѣ. Разсудочная наука, не ведущая ничего, кромѣ чувственнаго наблюденія, эксперимента и анализа, есть наука духовно слѣпая: она не видитъ предмета, а наблюдаетъ однѣ оболочки его; прикосновеніе ея убиваетъ живое содержаніе предмета; она застрѣваетъ въ частяхъ и кусочкахъ и безсильна подняться къ созерцанію цѣлаго. Русскій же ученый призванъ созерцать жизнь природнаго организма; видѣть математическій предметъ; зрѣть въ каждой детали русской исторіи духъ и судьбу своего народа; растить и укрѣплять свою правовую интуицію; видѣть цѣлостный экономическій организмъ своей страны; созерцать цѣлостную жизнь изучаемаго имъ языка; врачевнымъ зрѣніемъ постигать страданіе своего пациента.

Къ этому должна присоединиться творческая свобода въ изслѣдованіи. Научный методъ не есть мертвая система пріемовъ, схемъ и комбинацій. Всякій настоящій, творческій изслѣдователь всегда вырабатываетъ свой, новый методъ. Ибо методъ есть живое, ищущее движеніе къ предмету, творческое приспособленіе къ нему, «изслѣдованіе», «изобрѣтеніе», вживаніе, вчувствованіе въ предметъ, нерѣдко импровизація, иногда перевоплощеніе. Русскій ученый по всему складу своему призванъ быть не ремесленникомъ и не бухгалтеромъ явленія, а художникомъ в изслѣдованіи; отвѣтственнымъ импровизаторомъ, свободнымъ піонеромъ познанія. Отнюдь не впадая въ комическую претенціозность или въ дилетантскую развязность самоучекъ, русскій ученый долженъ встать на свои ноги. Его наука должна стать наукою творческаго созерцанія — не въ отмѣну логики, а въ наполненіе ея живою предметностью; не въ поправленіе факта и закона, а въ узрѣніе цѣлостнаго предмета, скрытаго за ними.

4. Русское право и правовѣдѣніе должны оберегать себя отъ западнаго формализма, отъ самодовлеющей юридической догматики, отъ правовой безпринципности, отъ релятивизма и сервиллизма. Россіи необходимо новое правосознаніе, національное по своимъ корнямъ, христіански-православное по своему духу и творчески содержательное по своей цѣли. Для того чтобы создать такое правосознаніе, русское сердце должно увидѣть духовную свободу какъ предметную цѣль права и государства и убѣдиться въ томъ, что въ русскомъ человѣкѣ надо воспитать свободную личность съ достойнымъ характеромъ и предметною волею. Россіи необходимъ новый государственный строй, въ которомъ свобода раскрыла бы ожесточенныя и утомленныя сердца, чтобы сердца по-новому прильпились бы къ родинѣ и по-новому обратились къ національной власти съ уваженіемъ и довѣріемъ. Это открыло бы намъ путь къ исканію и нахожденію новой справедливости и настоящаго русскаго братства. Но все это можетъ осуществиться только черезъ сердечное и совѣстное созерцаніе, черезъ правовую свободу и предметное правосознаніе.

Куда бы мы ни взглянули, къ какой бы сторонѣ жизни мы ни обратились, — къ воспитанію или къ школѣ, къ семьѣ или къ арміи, къ хозяйству или къ нашей многоплеменности, — мы видимъ всюду одно и то же: Россія можетъ быть обновлена и будетъ обновлена въ своемъ русскомъ національномъ строеніи именно этимъ духомъ — духомъ сердечнаго созерцанія и предметной свободы. Что такое русское воспитаніе безъ сердца и безъ интуитивнаго воспріятія дѣтской личности? Какъ возможна въ Рос-

сіи безсердечная школа, не воспитывающая дѣтей къ предметной свободѣ? Возможна ли русская семья безъ любви и совѣстнаго созерцанія? Куда заведетъ нас новое разсудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слѣпое и противоестественное? Какъ разрѣшимъ мы проблему нашего многонаціональнаго состава, если не сердцемъ и не свободою? А русская армія никогда не забудетъ суворовской традиціи, утверждавшей, что солдатъ есть личность, живой очагъ вѣры и патріотизма, духовной свободы и безсмертія...

Таковъ основной смыслъ формулированной мною русской идеи. Она не выдуманна мною. Ея возрастъ есть возрастъ самой Россіи. А если мы обратимся къ ея религіозному источнику, то мы увидимъ, что это есть идея православнаго христіанства. Россія восприняла свое національное заданіе тысячу лѣтъ тому назадъ — отъ Христіанства: осуществить свою національную земную культуру, проникнутую христіанскимъ духомъ любви и созерцанія, свободы и предметности. Этой идеѣ будетъ вѣрна и грядущая Россія.